

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 271-725(470.44-22)(093.3+044.2)|1934/1937|+929

Для цитирования:

Зарубин Д.Е. Письма из тридцать седьмого года // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (19). С. 111 - 123.

DOI: 10.56621/27825884_2022_19_111

Зарубин Дмитрий Евгеньевич,

редактор газеты «Ориентир»

Староскольского завода автотракторного электрооборудования им. А.М. Мамонова

Российская Федерация, 309507, Белгородская область, г. Старый Оскол, ул. Ватулина, 54
z13711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2162-6745

Письма из тридцать седьмого года

Д.Е. ЗАРУБИН

Аннотация: На примере личных писем священника села Малый Узень Питерского района Саратовской области раскрывается эмоциональное и психологическое состояние сельского духовенства Саратовской епархии, вернувшегося на родину, на место прежней службы, после первого ареста органами НКВД и отбытия ссылки. Через цитаты из писем, описания обстановки в селах Саратовской области, размышления и замечания репрессированного священника передается дух времени, невероятная тяжесть бытия в ожидании нового ареста, попытки найти единомышленников. Также приводится информация об экономическом положении сельского духовенства и жителей сельских населенных пунктов в 1937 году. В двух просмотренных архивно-следственных делах 10 обвиняемых. В протоколах ареста и обыска домов пяти обвиняемых указано, что у них изъяты фотографии и различная переписка, но ничего этого в архивно-следственных делах нет, хотя внутри папок подшиты пакеты с надписью «вещественные доказательства». Сохранились почему-то письма только Смотрина И. П. в таком же пакете. Тем дороже оставшиеся свидетельства. И как же много тоски, одиночества, жажды дружбы и поддержки в правом деле сохранения служения Господу и людям в этих обветшавших, исписанных карандашом дешевых листочках, полустертых временем и грубыми сгибами строчках писем.

Наряду с мемуарами и дневниками, письма относятся к личным документам, незаменимым в изучении истории повседневности.

Письма, сохранившиеся в архивно-следственных делах 1937 года, — это документ свидетельства реалий времени, когда они были написаны, и, конечно, биографическая, психоэмоциональная информация о людях, которые их написали. Особую ценность представляют письма, написанные в сложные, экстремальные периоды жизни их авторов.

Ключевые слова: 1934 год, 1937 год, письма, сельский приход, репрессированный священник, советская власть.

15 августа 1937 года в 24:00¹ сотрудники Питерского районного отделения управления государственной безопасности Саратовского областного управления НКВД арестовали священника села Малый Узень Питерского района Саратовской области Смотрина Ивана Петровича и провели обыск в помещении, где он жил².

Его обвинили в антисоветской деятельности и поместили в тюрьму Питерского районного отделения НКВД. В анкете арестованного указано, что он родился 10 ноября 1876 года в селе Малый Узень Питерского района Саратовской области³. Социальное происхождение — из крестьян. После революции — кулак раскулаченный. Образование — два класса министерского училища⁴.

В 1929 году осужден на два года по статье 73 Уголовного кодекса СССР, отбыл два года и по кассационной жалобе освобожден. В 1931 году был административно выслан в Казахстан, в город Караганду⁵, где находился до августа 1934 года. Вдов. Сын Константин Иванович, 1903 года рождения, проживает на станции Угловка Октябрьской железной дороги, работает нормировщиком⁶.

К уголовному делу приложена выписка из протокола № 22 заседания Питерской районной особой комиссии по раскулачиванию от 21 мая 1931 года, в которой хозяйство Смотрина И. П. признано кулацким, а поэтому решение Малоузенского сельсовета о раскулачивании было утверж-

---

¹ Архив управления ФСБ по Саратовской области (далее — УФСБ по СО), архивно-следственное дело ОФ-28019 по обвинению Смотрина И. П. и еще двух человек. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 3 об.

дено. Смотрина раскулачили, лишили прав гражданства его и членов семьи и выслали за пределы района⁷.

На первом допросе 16 августа 1937 года Смотрин виновным себя не признал⁸. 30 августа дал развернутые показания⁹.

В частности, сказал, что до ареста в 1929 году был священником в селе Алексашино Питерского района, там поддерживал связь с церковником Никольниковым Дмитрием Ивановичем, с которым имел переписку, когда его отправили в ссылку в город Караганду. Кроме того, Никольников Смотрину в ссылку выслал вещи, оставшиеся в селе Алексашино. В 1934 году, после ссылки, Смотрин и Никольников встретились в Алексашино¹⁰.

От Никольникова Иван Петрович поехал в Дергачи к благочинному Архангельскому, а по пути заехал в Ершов, к жене раскулаченного кулака, жившего со Смотриным в ссылке, чтобы передать письмо от ее мужа Шелехова Филиппа Ивановича¹¹.

Письма Смотрина к Шелехову и Никольникову, изъятые при аресте и обыске и сохранившиеся в архивно-следственном деле, представляют большой интерес как для исследователей истории Русской Православной Церкви и Саратовской области, так и для понимания психологической обстановки того времени, а также в качестве документальной информации о жизни наших земляков в 1934—1937 годах прошлого века.

«21 августа 1934 года.

Добрый день, дружище Филипп Иванович! Немножко я задержался с этим письмом, и ты, наверное, подумал, что я совершенно Вас забыл. Нет, не забыл, но не писал долго потому, что все было неопределенно и писать было нельзя. Теперь окончились мои все мытарства, хотя, конечно, и не окончательно и я могу кое-что Вам сообщить.

Второго августа я был дома в Малом Узене, встретили недурно, но без водки. Пробыв дома дня четыре я отправился в Питерку, в районную милицию за паспортом. Паспорт мне дали на три года, с отметкой "без определенных занятий". Получив паспорт, я пешком отправился в село Алексашино.

⁷ Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-28019. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

Там меня встретили очень хорошо. Угощение было полное, радости было много, все просили меня остаться у них и даже дали мне бумагу. Пробыв у них дня четыре или пять, я отправился на станцию Мокроус, чтобы ехать в Дергачи к Благодичному. Но помня твою просьбу и свои обещания, я взял билет до Еришова, чтобы заехать к Вашей жене.

Ты, Филипп Иванович, не обижайся, что я напишу про Вашу жену, зная, что я буду писать одну только правду. Поезд на станцию Ериши приходит ночью, и я дом Вашей жены найти не мог, да и не искал, потому, чтобы их не беспокоить. Утром я отправился их разыскивать. Отыскать было не трудно, жена Ваша спала, а дочь уже встала и умывалась. Я сказал откуда я и что у меня есть письмо от Филиппа Ивановича. Она разбудила мать, та встала, но радости и интереса к Вашему письму нисколько не проявила. Это не ускользнуло от моего наблюдательного глаза. Письмо отдала дочери прочесть, та взяла, прочла и положила себе в карман. Мать ее спросила, что там пишут, она неохотно ответила: нет тут ничего, — и ушла на базар покупать на солку огурцы. А мы с Вашей женой остались. Она пригласила меня в сени, я думал, что она станет интересоваться Вашей жизнью, но она не задала мне ни одного вопроса, а все время рассказывала мне, как живет она, что мне совершенно не интересно.

Я долго молчал, ждал, когда она кончит болтовню, но конца не было. Из ее слов я понял, что она даже письма боится от Вас получать, так как ей говорят люди, что раз развелись, то никаких связей быть не должно. Конечно, это глупость, но женщины всего боятся, а тут пришел я лично. Я понял, что она меня принять боится, как бы кто не узнал, что она приняла мужнина товарища.

Пока мы беседовали, дочь привезла с базара две тысячи огурцов, начали считать, делить, снимать с телеги. А я все сидел и ждал. Когда все окончили, то стали готовиться мазать избу. Я вижу, о завтраке или о чае ничего не говорят, взял сумку, отошел к соседнему дому, лег и уснул.

Проснулся поздно, часов в десять, смотрю, мать с дочерью мажут, не знаю, они завтракали или нет. Я стал собираться уходить, жена Ваша сказала, может быть, поставить самовар? А сама не перестает мазать. Я поблагодарил и ушел. Вот какой мне оказали прием, а к Вам интерес.

На вид женщина неплохая, но ни радости, ни интереса, ни каких расспросов нет, видно по всему, что она от Вас отвыкла, забыла, и я Вам советую, как другу, поступить так же, как она. Право, она не стоит Вашего внимания, вы по ней скучаете, а она даже не спросила, как Вы живете, ну, разве, это жена. Мне и то за Вас сделалось обидно.

А какой мне оказала прием? Не только накормить или попить чайком, она даже пожалела дать пару огурцов, а купили тысячу. Ведь я в Ерши заехал только ради Вашего письма, устал, не спал ночь, провел без дела там лишний день, проел три рубля денег.

Я говорил ей, что заехал ради Филиппа Ивановича и ничего мне на Ершах нет дела, и она это нисколько не оценила. Ну, и женщина, я этим очень обиделся. Пишу правду и советую от души прекратить с нею всякую связь, забыть ее, как она забыла Вас. Помни, что женщины все изменницы, хитрые, змеи и привязываться к ним не стоит и верить им на грош не приходится. Я о них всегда был такого мнения, и этого мнения не изменю. Знаю, что для тебя это обидно, ну, что делать, врать не могу.

На следующий день поехал в Дергачи к Благодичному, изложил ему все по порядку, он мне предложил место в Новорепное, я отказался, просил его назначить меня в Алексашкино, он согласился, но послал все-таки меня к Архиепископу в Саратов. Пришлось ехать. Архиепископ принял меня хорошо, но в Алексашкино не назначил потому, что как-бы меня опять там не арестовали. Тогда я стал просить назначить меня в Новорепное, он сказал, что туда он только что послал священника, советовал немножко подождать и отдохнуть. А когда освободиться, где место, назначить меня и предоставил мне право выбрать самому приход.

Пришлось вернуться ни с чем в Малый Узень и теперь я сижу и жду у моря погоды. Жизнь в Малом Узене скучная, плохая, село стало мертвое, везде развалины, скучно, тоскливо, печально, народ большинство чужой, стариков мало, молодежь какая нас знает, смотрит косо, власть относится равнодушно.

Урожай в Малом Узене пестрый, здесь три колхоза, в одном урожай хороший, в одном средний, а в одном ниже среднего и получится так, одни колхозники будут сыты, а другие станут голодать. Работой колхозников задушили, а выхода нет. У единоличников урожай неважный, их жмут хлебозаготовкой и налогами, кряхтят, платят, а в колхоз не идут, потому что на лошадях можно и есть, где хорошо заработать. Но сумеют ли они удержаться, не знаю.

Хлеб здесь продают пока из-под полы, но купить можно сколько угодно. Пшеница 18 и 20 рублей, рожь 15 рублей, мука пшеничная сеянка 35 рублей, размол 30 и 27 рублей, ржаная 20 рублей. Какие цены будут дальше не знаю, базары есть, но против Карагандинских не большие. Овощи не дорогие, огурцы по одной копейке штука, помидоры тоже, арбузы и дыни только начали спеть и не совсем дешевые, картошки на базаре нет, яблоки 80 копеек и один рубль кило. Словом, цены подходящие, но нет у людей денег, все мертво. Урожай на бахче неплохой, в особенности уродилось много тыквы, куда только ее денут.

Я пока живу и кормлюсь кое как, немного впроголодь, но думаю, наладится. Скажу Вам, как друзьям, много о России не думать, жизни нет, везде разрушение, злоба, ненависть, вражда, недостатки и тому подобное. Жизнь у Вас в Караганде идет ровнее, объединения больше, и интерес к жизни обширнее. Я там был одинок, но чувствовал несколько развязнее. Не думайте, что я лгу, нет, все это истинно. О Воле кроме ссыльных никто не толкует, никто не вспоминает, как будто бы Вы похоронены навечно. А на тех, которые возвратились, смотрят как на своих врагов и живут они все неважно.

Письмо это дайте прочесть Степану Ивановичу Бобряшову и Василию Федоровичу Галкину, не стесняйтесь, что тут написал про Вашу жену, это относится к каждой женщине и все они одинаковы. Я лично о Вас самого лучшего мнения и в действиях жены вы не причем, и мои чувства к Вам нисколько не изменились. Я написал и им письма бы, но поверьте, нет бумаги, это уже я купил по дорогой цене и больше нет.

Примите Вы лично теплый дружеский привет, почтение Андрею, Василию, Шуре, Мине. Искренний привет Василию Федоровичу с семейством, Степану Ивановичу с семейством, и всем-всем моим друзьям и знакомым. Пишите, как идут дела, как Ваши огороды, наверное, едите картошку. Что у Вас новенького, но только о болтовне не пишите.

А пока до свидания. Жму Ваши руки. И передавайте привет Гавриленко и Строганову. Сердечно преданный Вам Иван Смотрин. Адрес: Малый Узень, Саратовский край, дом Якова Ивановича Шебалдина»¹².

Письма Смотрина Никольникову Дмитрию Ивановичу, изъятые при аресте и обыске у Никольникова Д.И. в августе 1937 года в селе Алексашино Питерского района Саратовской области:

«26 марта 1937 года.

Дорогой друг Дмитрий Иванович! Поздравляю тебя с поступлением на службу церкви Божией! Дай Бог поработать на пользу дома Господня! Ах, как мне хотелось бы послужить с Вами! Ты спрашиваешь, как я живу с прихожанами. Изволь, скажу. И скажу правду. Живу мирно, они мною очень довольны, с попечителями я в хороших отношениях, одно плохо, что в церковном совете одни женщины, а ты знаешь с бабами работать тяжело. За требы у меня таксы нет, сколько кто в состоянии дать, да теперь при таком неурожае и нельзя установить таксу, народ без денег. Да ты и напрасно меня об этом спрашиваешь, ты ведь

¹² Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-28019. Л. 75, пакет с вещественными доказательствами. Письма здесь и далее приведены с сохранением синтаксиса, орфографии и пунктуации Смотрина И.П.

хорошо меня знаешь. В хорошую погоду, народ в церковь ходит охотно и немало. Доходом много хвалиться не буду, но одному жить можно. Я просил тебя приехать, что же не исполнил, верно поменялся или помешала грязь? Напиши, у кого квартирует Ваш священник, и семейный ли он? В свою очередь. И ты скажи мне, сколько он берет за тpeбы? Это мне интересно. Вам с семейством и всем попечителям привет. Весной увидимся. Твой друг, И.П. Смотрин»¹³.

«17 июня 1937 года, церковная сторожка.

Добрейший друг, Дмитрий Иванович! Ваше интересное, но коротенькое письмо получил, большая благодарность. Сердечно радуюсь, что в Борисоглебовке (село неподалеку от села Алексашикино и входившее в приход церкви села Алексашикино. — Прим. авт.) началось Богослужение. Помогите им, Господи! Меня очень интересует, какую вы мне хотите сообщить новость, пожалуйста, не томи, пиши скорее. Налог я пока нисколько не платил, и сколько наложат — не знаю, но, наверное, нимало, а наложат скоро, потому что я вчера получил из Питерки бумагу, спрашивают, сколько я получаю дохода. А это для того, чтобы обложить. Меня это сильно тревожит, потому что доходы незначительные, а налог будет большой, хотя сейчас и нет, но скоро будет. Я не понимаю для чего тебе все это нужно знать? Я порываюсь к Вам приехать, но не на чем, а идти пешком далеко, трудно, как представится случай, приеду. Новостей пока нет. Дождя много, хлеба хороши, слава Богу! Я живу по-старому, хотелось бы поговорить, но не с кем. Сейчас получил от Василия Ильича письмо, что пишет скажу лично. Вам и Вашему семейству привет. Ваш друг И.П. Смотрин»¹⁴.

«24 июня 1937 года.

Дмитрий Иванович! Спасибо за письмо и добрые пожелания. Как раз вместе с твоим письмом я получил извеще-

¹³ Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-20105 по обвинению Фадеева А.Ф. и еще шести человек. Л. 36, пакет с вещественными доказательствами против Никольникова Д.И.

¹⁴ Там же.

ние о налоге. Налог сравнительно подходящий, подходящий и культсбор, всего 102 рубля. Мясозаготовку с меня не берут, как имеющего возраст более 60 лет. Переговорить лично, я могу приехать, но только скоро не обещаю, когда позволит время. Я затрудняюсь Вам ответить относительно перехода к Вам, боюсь как-бы не обидеть своих прихожан. Я живу с ними хорошо, и они ко мне относятся благосклонно. Но я все-таки хорошенько подумаю и приеду, только очень не торопитесь. Относительно иеромонаха, Вашего бывшего священника, я Вас не понимаю. Когда он служил у Вас, Вы его хвалили, а теперь стал пьяница? Что это значит? Впрочем, это дело не мое, это я так написал, между прочим. Крупных новостей нет. Поговорить с Вами очень желательно. Троицу встретил и проводил очень хорошо. До свидания, увидимся, прими привет, твой друг И.П. Смотрин»¹⁵.

«29 июля 1937 года.

Друг Дмитрий Иванович!

Неужели ты не получил от меня письмо? В нем я писал почему я сейчас не могу приехать, повторю это вновь, но как-нибудь увидимся. Мне самому охота посмотреть и поболтать, но как-то все не удастся, то что-нибудь задержит, то просто лень. 27 июля я был в Мироновке (село в Питерском районе. — Прим. авт.), хотел доехать к Вам, но боялся у Вас надолго застрять, а я торопился. Выберу свободное время, сколько немного свободных денег, тогда приеду, погуляем и потолкуем. Новостей нет. Урожай хороший. Живу по-старому. Скучаю и читаю. Страстно хочется повидаться, но пока терпи, придет время, увидимся. А пока до свидания. С приветом, И. Смотрин. Пиши, как твоя плантация»¹⁶.

Свидетель Гераськин Сергей Никитович на допросе дал показания: «Смотрин мне сказал, ненавижу Советскую власть за то, что отобрали все.

¹⁵ Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-20105. Л. 36, пакет с вещественными доказательствами против Никольникова Д.И.

¹⁶ Там же.

Я сейчас пойду на курган, где стоял мой дом, погляжу-погляжу на пустое место, но ничего сделать не могу, только лишь злоба кипит во мне. Жалко мне все изъятые у меня. В том числе и библиотеку»¹⁷.

На следующий вопрос этот же свидетель ответил, что 20 июля 1937 года зашел к Смотрину по служебным делам, и он ему сказал: «Когда увидел, что ты идешь к дому моему, все сердце кровью облилось». И на вопрос «Почему?» ответил: «Боюсь Советской власти, да и как не бояться, когда Советская власть способна только арестовывать, сажать, да грабить, так я и думал, что ты за этим шел ко мне»¹⁸.

30 августа 1937 года Смотрин признал себя виновным в антисоветской деятельности¹⁹. 4 сентября он признался, что имел переписку с епископом Ивановым Саратовским, хотя лично с ним не встречался²⁰. А также что в начале 1936 года ездил в Среднюю Азию к старому другу Кочеткову Семену Константиновичу, который ему знаком с 1919 года, поскольку он служил священником в селах Петропавловка и Савино²¹.

4 сентября 1937 года Смотрин написал начальнику Питерского районного отделения НКВД заявление: «На меня, как на человека больного всякое сильное ощущение вредно влияет. Гибельно на мое здоровье может отразиться процесс суда. Поэтому я беру смелость ходатайствовать перед вами о возбуждении перед предстоящим судом о заочном, без моего присутствия, рассмотрении моего дела. Но в свою защиту могу сказать, что вредных действий против Советской власти с моей стороны не было, а выражалось лишь в ропоте»²².

В этом же пакете с вещественными доказательствами по делу Смотрина И.П., в котором находились письма, лежит объяснение Ивана Петровича начальнику Питерского районного отдела НКВД, почему он хотел покончить жизнь самоубийством²³.

Смотрин И.П.: «Признаю, что от душевной тоски и одиночества 11 сентября хотел сделать самоубийство через повешение в камере. К следствию претензий не имею. Все допросы по отношению ко мне

¹⁷ Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-28019. Л. 19 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Там же. Л. 10

²⁰ См.: Там же. Л. 15.

²¹ См.: Там же. Л. 16.

²² Там же. Л. 75, пакет с вещественными доказательствами.

²³ См.: Там же.

и другим лицам: Сысолетину и Неугасимову, ведутся вежливым порядком и справедливо. 12 сентября 1937 г.»²⁴.

15 сентября 1937 года начальник Питерского районного отдела НКВД сержант государственной безопасности Манохин подписал обвинительное заключение. В нем сказано, что «Смотрин Иван Петрович, раскулаченный кулак, священник имел тесные связи с антисоветскими группами села Алексашкино и села Мироновки (населенные пункты Питерского района. — *Прим. авт.*), с которыми при встречах вел антисоветские суждения против политики Советской власти и ВКП(б). Будучи антисоветски настроен, имея злобу к Советской власти, Смотрин писал контрреволюционные письма провокационного содержания по отношению к Советской власти. Виновным себя признал. Сысолетин Федор Васильевич, 1876 г.р., нераскулаченный кулак, церковный староста, брат его раскулачен и выселен, сам скрывался от раскулачивания, виновным себя не признал, но уличен показаниями. Неугасимов Григорий Петрович, 1882 г.р., нераскулаченный кулак, имел 200 десятин посева, облагался индивидуально, виновным себя признал и обличается показаниями»²⁵. Перечисленные члены антисоветской группы «вели контрреволюционные суждения, направленные на издевательство и клевету политики Советской власти и ВКП(б), в тоже время восхваляли жизнь царского времени»²⁶.

Сержант посчитал следственное дело законченным и передал его «на рассмотрение Тройки управления НКВД по Саратовской области»²⁷.

15 сентября Смотрин, Сысолетин, Неугасимов были переведены в тюрьму города Саратова²⁸. 23 сентября судебная Тройка Управления НКВД по Саратовской области признала Смотрина И.П., Сысолетина Ф.В., Неугасимова Г.П. виновными в антисоветской деятельности и постановила Смотрина, Сысолетина — расстрелять, Неугасимова — отправить в концлагерь²⁹. Постановление Тройки НКВД в отношении Сысолетина приведено в исполнение 23 сентября³⁰. Смотрин расстрелян в 22 часа 29 сентября 1937 года в городе Саратове³¹.

²⁴ Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-28019. Л. 75.

²⁵ Там же. Л. 68.

²⁶ Там же. Л. 69.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Там же. Л. 71.

³⁰ См.: Там же. Л. 72.

³¹ См.: Там же. Л. 74.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архив управления ФСБ по Саратовской области, архивно-следственное дело ОФ-28019 по обвинению Смотрина И. П. и еще двух человек.
2. Архив управления ФСБ по Саратовской области, архивно-следственное дело ОФ-20105 по обвинению Фадеева А. Ф. и еще шести человек.

*Поступила в редакцию 29.08.2022,
принята к публикации 1.11.2022.*

UDC 271-725(470.44-22)(093.3+044.2)|1934/1937|+929

For citation:

Zarubin D. Pis'ma iz tridtsat' sed'mogo goda [Letters from the thirty-seventh year]

// Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2022. No 4 (19). pp. 111-123.

DOI: 10.56621/27825884_2022_19_111

Dmitry Zarubin,

Editor of the newspaper "Landmark",

Starooskolsky Plant of automotive electrical

equipment named after A.M. Mamonov,

54 Vatutina str., Stary Oskol,

Belgorod region,

309507, Russian Federation

z13711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2162-6745

Letters from the thirty-seventh year

D. ZARUBIN

Abstract: The article, using the example of personal letters from the priest of the village of Maly Uzen of the Piterka district of the Saratov region, reveals the emotional and mental state of the rural clergy of the Saratov diocese who returned to their homeland, to the place of their former service, after the first arrest by the NKVD and finishing their exile. Through quotes from descriptions of the situation in the villages of the Saratov region, reflections and remarks of the repressed priest, the spirit of the times, the incredible heaviness of being in anticipation of a new arrest, attempts to find like-minded people are conveyed. It also provides information about the economic situation of rural clergy and residents of rural settlements in 1937.

There are 10 accused people in the two reviewed archival and investigative cases. The protocols of the arrest and search of the houses of the five accused indicate that photographs and various correspondence were seized from them, but there is nothing of this in the archival and investigative files, although packages with the inscription "material evidence" are sewn inside the folders. For some reason, only

I.P. Smotrin's letters were preserved in the same package. The more valuable the remaining evidence is. And there is so much longing, loneliness, thirst for friendship and support in serving Lord and people properly in these dilapidated, pencil-scribbled, cheap pieces of paper, in these half-erased by time and roughly folded letters.

Along with memoirs and diaries, letters are personal documents that are indispensable in the study of the history of everyday life. The letters preserved in the archival and investigative files of 1937 are a document of evidence of the realities of the time when they were written and, of course, a source of biographical, psycho-emotional information about the people who wrote them. The letters written during difficult, extreme periods of their authors' lives are of particular value.

Keywords: 1934, 1937, letters, a rural parish, a repressed priest, Soviet power.

*Was submitted 29.08.2022,
accepted for publication 1.11.2022.*